

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
сборник статей
М.: Наука. 1977

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011-2013

Эльвира Ивановна Валлич

Н. М. Карамзин —
первый русский рецензент «Утопии»
Томаса Мора

Последняя треть XVIII в. в истории русского книгопечатания отмечена невиданным до тех пор обилием переводов иностранной литературы. Книжный рынок предлагал широчайший выбор чтения на любой вкус: от серьезных исследований, философских работ и политических трактатов до пикантных анекдотов и занимательных повестей. На фоне такого жадного интереса к западно-европейской литературе появление в 1789 г. первого русского издания «Утопии» Томаса Мора не выглядит сенсационно. Не удивляет и то, что перевод делался не с латинского или английского, а с французского языка, которому как раз в это время русское общество начинает отдавать явное предпочтение. Произведения многих английских писателей (Фильдинга, Стерна, Мильтона, Ричардсона и др.) выходили в переводах с французского¹ и реже — с немецкого². Первое издание «Утопии» имело заглавие: «Картина всевозможного лучшего правления или Утопия. Сочинение Томаса Морица Канцлера Аглинского, в двух книгах. Переведена с Аглинского на Французский Г. Руссо, а с Французского на Российский». Книга вышла в Санкт-Петербургской типографии, владельцем которой был известный книгоиздатель³ Иоган Карлович Шнор. Он получил право на печатание книг в 1776 г.⁴ и сохранил его даже после запрета почти всех вольных типографий в 1796 г.⁵ В 1790 г. И. Шнор выпустил второе издание «Утопии», но уже под другим названием: «Философа Рафаила Гитлоде странствование в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбиваго народа острова Утопии. Перевод с Аглинского языка. Сочинение Тома Мориса». Сопоставление двух изданий пока-

¹ См. Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725/1800, т. 1—3. М., 1962—1966, № 4249—4251, 4253—4255, 5998—6001, 6853—6855, 7774, 7779, 7778.

² Там же, № 7780, 7778.

³ Ульянинский Д. В. Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание, т. 2. М., 1913, № 1523, с. 535.

⁴ Полное собрание законов Российской империи, т. XX. СПб., 1830, 14495, 22 августа 1776 г.

⁵ Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII в. — «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», т. 414. Л., 1971, с. 132.

зывает, что публикация 1790 г. является точной копией текста 1789 г., отличаясь от него только титульным листом. Обе книги имеют одинаковый формат in (8°), содержат по 210 страниц, и каждая страница совпадает и дословно, и графически. Эту интересную особенность отметил Н. Д. Чечулин⁶. Он пришел к выводу, что «с различными выходными листами были выпущены в продажу оттиски с одного и того же набора»⁷. Тожество двух переводов подтверждает и А. И. Малеин⁸.

Издание 1789 г. сообщало имя переводчика «Утопии» на французский язык — Руссо. Н. Д. Чечулин установил, что перевод сделан архивистом клуба якобинцев Thomas Russeau. В 1780 г. он напечатал «Утопию» в Париже под названием: «Du meilleur gouvernement possible, ou la nouvelle isle d'Utopie, de Thomas Moris» и переиздал эту книгу в 1789 г.⁹ Его перевод не отличался точностью: Руссо сохранил не весь текст Мора и одновременно добавил в него свои рассуждения и пояснения¹⁰.

Имя русского переводчика в выходных данных не упоминалось.

В задачи настоящей статьи не входит анализ русского перевода и выяснение его адекватности и французскому источнику, и латинскому оригиналу «Утопии». Эти вопросы должны стать предметом специального исследования. Здесь мы ограничимся несколькими предварительными замечаниями. Русский текст воспроизводит французский без значительных пропусков. Однако некоторым фразам русский переводчик старался придать политически более спокойный нейтральный оттенок и приглушить полемическую остроту споров в первой части романа. Перевод выполнен тяжелым языком, довольно трудным даже для читателя XVIII в.

Факт переиздания книги через год после ее выхода говорит о том, что она имела большой спрос. Замена титульных листов, скорее всего, объясняется коммерческими и цензурными соображениями. В последней связи интересно, что в новом варианте оглавления исчезли сведения о французском переводчике.

Трудно сказать, как долго первый русский перевод был в активном книжном обращении. Ко времени выхода переводов Е. В. Тарле¹¹ и А. Г. Генкеля¹² о публикациях 1789 и 1790 гг.

⁶ Чечулин Н. Д. О русском переводе «Утопии Томаса Мура», сделанном в XVIII столетии. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1905, май, с. 223—224.

⁷ Там же, с. 224.

⁸ Малеин А. И. Издания и переводы «Утопии». — В кн.: Мор Томас. Утопия. М., 1953, с. 261.

⁹ Чечулин Н. Д. Указ. соч., с. 224.

¹⁰ Расхождений французского и русского текстов были отмечены А. Э. Штекли и В. В. Каревой, за что выражаем им благодарность.

¹¹ Утопия сэра Томаса Мора. — В кн.: Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901. Приложение, с. 4—122.

¹² Мор Томас. Утопия. Перевод А. Г. Генкеля. СПб., 1903.

знали только специалисты¹³ и библиографы. Правда, сведения о них были во всех крупных справочниках по книгопечатанию XVIII в.¹⁴, но большинство библиографов полагало, что это два самостоятельных издания, сделанные с разных языков. Считалось даже, что экземпляры XVIII в. не сохранились¹⁵. Уже в наше время это мнение разделял В. В. Святловский, назвавший первые издания «величайшей библиографической редкостью»¹⁶. Тем не менее экземпляры обеих публикаций имеются в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда¹⁷.

* * *

В 1791 г. в мартовском номере «Московского журнала», который издавался Н. М. Карамзиным, была напечатана рецензия на русский перевод «Утопии»¹⁸. Она — единственное имеющееся в нашем распоряжении свидетельство того, как русский читатель воспринимал тогда произведение Томаса Мора. Уже по этой причине рецензия заслуживает самого пристального внимания. Вместе с тем возникает вопрос, насколько закономерно было ее появление на страницах именно «Московского журнала». Прежде чем перейти к разбору самой рецензии, ответим на поставленный вопрос.

Решение выпускать свой журнал возникло у Н. М. Карамзина на два года раньше, чем вышел первый номер. Еще будучи за границей, в августе 1789 г., Н. М. Карамзин обратился к одному из своих европейских корреспондентов с предложением содействовать ему в публикации его сочинений в России. Среди прочего он писал: «По возвращении в Москву я тотчас предприму периодическое издание. Имею основание предположить, что в подписчиках недостатка не будет... Таким образом, вы можете иметь гораздо более влияния на развитие русских умов, так как произведения ваши в форме ежемесячного журнала будут попадать в большее число рук, чем если бы они были разом напечатаны и изданы»¹⁹. Это высказывание интересно в двух отношениях. Во-первых, оно показывает понимание Н. М. Карамзиным преимуществ периодической печати, дающей автору расширенную ауди-

¹³ Например, Н. Д. Чечулин.

¹⁴ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В 4-х частях. СПб., 1828, № 9527; Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г., т. II. Берлин, 1880, с. 344; Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, ч. V. СПб., 1905, № 12272, 12373.

¹⁵ Сонин А. Томас Мор. Утопия. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1905, апрель, с. 379—393.

¹⁶ Святловский В. В. Каталог Утопий. Пг., 1923, с. 36.

¹⁷ Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725/1800, № 4340.

¹⁸ «Московский журнал», 1791, ч. 1, с. 358—365.

¹⁹ Переписка Карамзина с Лафатером. СПб., 1893, с. 52.

торию. Во-вторых, видно, что в его планы входила задача образования русского читателя.

В ноябре 1790 г. Н. М. Карамзин печатает в «Московских ведомостях» объявление, в котором сообщает структуру будущего журнала: «Содержание сего журнала будут составлять: 1. Русские сочинения в стихах и прозе... 2. Разные небольшие иностранные сочинения... 3. Критические рассматривания русских книг, вышедших, и тех, которые вперед выходить будут, а особливо оригинальных; переводы, недостойные внимания публики, из сего исключаются. Хорошее и худое замечается будет беспристрастно. Кто не признается, что до сего времени не многие книги были у нас достаточно критикованы. 4. Известия о тетральных пьесах... 5. Описание разных происшествий»²⁰. Из объявления ясно, что у издателя уже есть четкая программа.

Рубрики, указанные в заявке, присутствовали во всех книжках журнала. Всего было издано восемь частей, по четыре в год. Каждая часть в 1791 г. содержала номера за три месяца. В 1792 г. не вышли февральский, июньский и ноябрьский номера. Каждая часть заканчивалась списком вновь подписавшихся. Ко времени прекращения издания оно имело 300 подписчиков в разных городах России. Эта цифра — показатель его популярности. В число постоянных авторов входили Г. Р. Державин, М. М. Херасков, И. И. Дмитриев, А. А. Петров, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Н. А. Львов, П. С. Львов, С. С. Бобров, А. М. Кутузов, но основная часть материалов принадлежала перу Н. М. Карамзина. Из своей прозы он опубликовал в «Московском журнале»: «Фрол Сплин, благодетельный человек»²¹, «Бедная Лиза»²², «Деревня»²³, «Наталья, боярская дочь»²⁴. Кроме того, во многих номерах помещались его стихи. Начиная с первой книжки и до последней в журнале печатались «Письма русского путешественника» — литературная обработка заграничных впечатлений и раздумий Н. М. Карамзина. В заключительном номере последнее из писем датируется 27 марта 1790 г.

В библиографической рубрике за два года были даны рецензии и аннотации на следующие иностранные книги: «Эмилия Галотти» Лессинга; «Путешествие Г. Вальяна во внутренность Африки через мыс Доброй Надежды...»; «Всеобщая и частная история графа Бюффона»; «Рафаила Гитлоде странствование» Т. Мора, «Артур или северное очарование»; «Описание главных лазаретов в Европе» И. Говарда²⁵; «Жизнь и похождения бедного человека из Гоккенбурга» Фисли; «Мемуары» Гольдони; «Разные пьесы Доктора Свифта» Дж. Свифта; «Генриада» Вольтера; «Неистовый

Роланд» Ариосто; «Богоучения или баснословные повествования древних» Морица; «Виды натуры» Робинсона²⁶; «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» Бартеlemi; «Опыт нынешнего естественного и политического состояния Швейцарии; или письма Вильгельма Кокса»²⁷; «Достопамятная жизнь Кларисы Гарлов» Ричардсона²⁸; «Жизнь и дела Иосифа Бальзамо»²⁹; «Жизнь Вениамина Франклина, им самим описанная для сына его»³⁰; «Развалины, или размышления о революциях империи» Вольера; «Жан-Жак Руссо» Мерсье; «Жан-Жак Руссо на острове св. Петра»³¹; «Энеида» Вергилия; «Драматические начертания древней северной мифологии»³²; «Путешествие по Италии» Мориса³³; «Моральные вымыслы» Мерсье; «Тайная история философа Перегринуса Протеуса» Виланда; «Коран»³⁴. Кроме того, в журнале печатались переводы из разных европейских авторов. Самым большим был перевод из «Вечеров» Мармонтеля³⁵. Периодически сообщалось о премьерах в парижских (иногда в итальянских) театрах.

Приведенный список рецензий и аннотаций показывает, что Н. М. Карамзин старался дать своим читателям широкое и разностороннее представление о западной литературе. Помимо чистой беллетристики, он выделял из книжного потока работы политического, исторического и естественнонаучного характера. Критико-библиографический раздел журнала выдержан в строгом и беспристрастном стиле. Н. М. Карамзин избегает политической полемики, и все критические замечания касаются только языка оригинала или переводов.

Влияние «Московского журнала» на общественную мысль 90-х годов XVIII в. было оценено и определено еще В. Г. Белинским: «Европеизм Карамзина — одна из его больших заслуг. Глубокое органическое объединение в его сознании русского начала с общеевропейским подготовляло интернационализм чисто русской культуры Пушкина»³⁶. В. Г. Белинский считал, что Н. М. Карамзин «довершил и утвердил знакомство русского общества с Европою»³⁷. Ту же мысль позже развивал М. П. Погодин: «Рассмат-

²⁶ Там же, ч. 2, с. 85—95, 203—204, 206—214, 322—328.

²⁷ Там же, ч. 3, с. 97—113, 201—224, 333—341.

²⁸ Там же, ч. 4, с. 108—115.

²⁹ Там же, с. 205—235, 325—342; 1792, ч. 5, с. 57—83, 234—271.

³⁰ Там же, 1791, ч. 4, с. 355—358.

³¹ Там же, 1792, ч. 5, с. 150—151, 399—401.

³² Там же, ч. 6, с. 204—208, 214—216.

³³ Там же, ч. 7, с. 103—104.

³⁴ Там же, ч. 8, с. 159—161, 332—358.

³⁵ Там же, 1791, ч. 1, с. 281—292; ч. 2, с. 190—202; ч. 3, с. 241—277; ч. 4, с. 128—167; 1792, ч. 5, с. 86—123.

³⁶ Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах, т. 3. М., 1948, с. 88.

³⁷ Там же, с. 204.

²⁰ «Московские ведомости», 1790, № 89, 6 ноября, с. 1211.

²¹ «Московский журнал», 1791, ч. 3, с. 31—37.

²² Там же, 1792, ч. 6, с. 238—277.

²³ Там же, ч. 7, с. 57—68.

²⁴ Там же, ч. 8, с. 13—69, 237—278.

²⁵ Там же, 1791, ч. 1, с. 62—79, 101—133, 236—247, 358—367.

ривая это издание, нельзя не удивляться искусству молодого издателя, его вкусу, умению пользоваться иностранными источниками, знанию потребностей общества. Он понял верно, на какой степени оно находится, что может быть для него приятно и вместе полезно, чем можно на него подействовать и возбудить его любопытство...»³⁸

В наше время «Московский журнал» и деятельность Н. М. Карамзина в начале 90-х годов неоднократно привлекали внимание историков журналистики³⁹, критики⁴⁰ и литературы⁴¹.

Проследим мнения и выводы советских исследователей, основанные преимущественно на изучении материалов «Московского журнала». Г. А. Гуковский доказывает, что «при Екатерине II (как и при Павле I) Карамзин был фигурой явно подозрительной для правительства» и способствовал приобщению русского читателя к передовой европейской мысли. В 1792 г. он печатает свою оду «К милости», в которой просит Екатерину II о прощении Новикова⁴². Г. А. Гуковский оценивает эту публикацию как акт гражданского мужества⁴³. П. Н. Берков, характеризуя круг политических симпатий журнала, отметил проповедь терпимости и философского беспристрастия, присутствующую в большинстве рецензий⁴⁴. Наиболее показательными для демонстрации позиции Н. М. Карамзина он считает выступление против религиозного изуверства в описании визита в бенедиктинский монастырь в Эр-

³⁸ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и пояснениями, ч. 1. М., 1866, с. 172—174.

³⁹ См. соответствующие разделы в книгах: *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952; *Западов В. А.* Русская журналистика последней четверти XVIII в. М., 1962; *он же.* Русская журналистика XVIII в. М., 1964; История русской журналистики XVIII—XIX вв. М., 1966.

⁴⁰ См. Очерки русской критики и журналистики, т. 1. Л., 1950; История русской критики, т. 1. Л., 1958.

⁴¹ *Гуковский Г. А.* Карамзин.— В кн.: История русской литературы, т. V. М., 1948, с. 55—105; *Лотман Ю. М.* Эволюция мировоззрения Карамзина.— «Ученые записки Тартуского государственного университета». Труды историко-филологического факультета, вып. 51. Тарту, 1957, с. 128—159; *Кряжмская И. А.* Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале».— В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 262—275; *Предтеченский А. В.* Общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина в 1790-х годах.— В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в. М.—Л., 1961, с. 63—78; *Макогоненко Г. П.* Литературная позиция Карамзина в XIX в.— «Русская литература», 1962, № 1, с. 68—106; *Берков П., Макогоненко Г.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина.— В кн.: *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в двух томах, т. 1. М.—Л., 1964, с. 1—78; *Орлов П. А.* Литературная программа «Московского журнала» Карамзина.— «Доклады высшей школы. Филологические науки», 1966, № 2, с. 136—146; *Брисман М. А.* Критическая библиография в «Московском журнале» Н. М. Карамзина.— В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. XXIII. М., 1972, с. 211—217.

⁴² «Московский журнал», 1792, ч. 6, с. 117—119.

⁴³ *Гуковский Г. А.* Указ. соч., с. 58—60.

⁴⁴ *Берков П. Н.* Указ. соч., с. 89.

фурте⁴⁵ и гимн республиканскому устройству Швейцарии⁴⁶. Ю. М. Лотман и Г. П. Макогоненко добавили к этой сумме фактов включение в раздел рецензий группы политических сочинений Вольнея, Мерсье, Мора и пьесы «Жан-Жак Руссо на острове св. Петра». Ю. М. Лотман показал, что в начале 90-х годов Н. М. Карамзин был в оппозиции правительственной реакции⁴⁷. Г. П. Макогоненко оценивает журналистскую деятельность Н. М. Карамзина как просветительскую и оппозиционную официальной идеологии⁴⁸. А. В. Предтеченский называет основой мировоззрения Н. М. Карамзина тех лет гуманизм и подчеркивает уважение, с которым он относился к европейской свободе и демократии, хотя и не признавал возможным их торжество в России⁴⁹. П. А. Орлов пытается доказать вольнодумство Н. М. Карамзина его переводами из «Юлия Цезаря» Шекспира, сделанными в 1787 г., отрывками из «Писем русского путешественника» о Швейцарии и рецензией на «Утопию» Т. Мора. В интерпретации П. А. Орлова Н. М. Карамзин предстает тайным республиканцем, использовавшим журнал для пропаганды своих воззрений⁵⁰. М. А. Брисман в результате анализа библиографических рубрик «Московского журнала» пришел к выводу о единстве принципиальной позиции этого журнала. Он убедительно показал, что книги для рецензий отобраны не случайно⁵¹.

Только в одной работе утверждается реакционность взглядов Н. М. Карамзина, и его «дворянско-аристократическое» отношение к театру противопоставляется демократизму И. А. Крылова. Ориентация Н. М. Карамзина на западную культуру рассматривается как попытка «растворить национальное во всеобщем» и отвлечь общество от решения насущных проблем⁵². Однако аргументация этих положений не выглядит убедительно.

Общий итог исследований «Московского журнала» можно сформулировать следующим образом. Этот журнал был первым в России литературно-критическим периодическим изданием. Он отражал взгляды либеральной оппозиции. Журнал характеризуется целостностью и единством программы и ориентацией на просветительские тенденции в развитии русской общественной мысли конца XVIII в. На рубеже веков Н. М. Карамзин внес существенный вклад в развитие русской общественной мысли и распространением знания западноевропейской литературы и ролью, которая принадлежит ему в становлении русского сентиментализма.

Опираясь на перечисленные работы историков журналистики и литературы, мы утверждаем, что появление рецензии на перевод

⁴⁵ «Московский журнал», 1791, ч. 3, с. 183—184.

⁴⁶ Там же, 1792, ч. 5, с. 65.

⁴⁷ *Лотман Ю. М.* Указ. соч., с. 130.

⁴⁸ *Макогоненко Г. П.* Указ. соч., с. 97.

⁴⁹ *Предтеченский А. В.* Указ. соч., с. 73.

⁵⁰ *Орлов П. А.* Указ. соч., с. 139.

⁵¹ *Брисман М. А.* Указ. соч., с. 217.

⁵² *Кряжмская И. А.* Указ. соч., с. 271.

«Утопии» в «Московском журнале» было не случайно, а органически вписывалось в его программу. Эта публикация трижды привлекалась исследователями для анализа творчества Н. М. Карамзина, но ни разу не стала предметом специального рассмотрения. Г. П. Макогоненко упоминает разбор сочинения Мора в связи с определением политической позиции Н. М. Карамзина: «Подобные рецензии приучали читателя... размышлять о характерных особенностях «мысленной республики»»⁵³. П. А. Орлов объясняет обращение Н. М. Карамзина к «Утопии» его общими раздумиями о республиканском типе правления. Он прослеживает влияние настроений новиковского кружка в том месте рецензии, где говорится о насмешках утопийцев над европейской пышностью, дворянскими родословными, охотой и азартными играми. В рассказе о религиозной терпимости граждан Утопии усматривается еще одна дань Н. М. Карамзина вольнодумству. В начале рецензии высказана мысль о противоречивости и неосуществимости многих идей Т. Мора. П. А. Орлов трактует это место как тактическую уловку Н. М. Карамзина, рассчитанную на успокоение цензуры. Третья работа, где упоминается рецензия на «Утопию», — статья М. А. Брискмана. В ней пример рецензии использован дважды. В первом случае она дана как иллюстрация борьбы Н. М. Карамзина за качество перевода. Во второй раз Брискман прибегает к ней как к доказательству неслучайности отбора книг в библиографической рубрике. Во всех других исследованиях эта публикация Н. М. Карамзина не упоминается.

Обратимся непосредственно к рецензии⁵⁴. Она начинается краткой справкой о Т. Море. Заметим, что русский перевод «Утопии» никакой информации об ее авторе не содержал. Уже тот факт, что Н. М. Карамзин счел нужным предварить разговор о книге подобной справкой, свидетельствует о его желании познакомить русскую читающую публику с именем Т. Мора. Сообщаемые им сведения показывают, что сам он знал о Т. Море многое. Ему были известны государственная деятельность Т. Мора и история его гибели. Для Н. М. Карамзина он «один из величайших политиков и ученейших людей своего века»⁵⁵. Н. М. Карамзин знает латинские издания «Утопии» XVI—XVII вв. и в курсе того, что это не единственное сочинение Т. Мора. Не представляется возможным установить, когда Н. М. Карамзин познакомился с его творчеством. Не исключено, что это произошло в Англии, хотя в соответствующих частях «Писем русского путешественника» упоминаний о Т. Море нет. Для нашего анализа справка важна в двух отношениях. Во-первых, она доказывает, что Н. М. Карамзин встретился с оригиналом «Утопии» раньше, чем

с ее русским переводом. Во-вторых, общая характеристика Т. Мора выдержала в самых приетитных тонах, что заранее должно было вызвать уважение к его сочинению. Читателя заблаговременно предупреждали, что он будет иметь дело с трудом политика, мыслителя и ученого и настраивали на серьезное восприятие рецензируемой книги.

Справка о Т. Море продолжается в резюме «Утопии». Н. М. Карамзин определяет ее как «описание идеальной или мысленной республики»⁵⁶ и проводит аналогию с государством Платона, хотя и отмечает, что эти два идеальные построения отличны друг от друга. В чем они расходятся между собой, не уточняется. Н. М. Карамзин говорит о противоречивости и неосуществимости многих идей Т. Мора, но опять только констатирует факт, не объясняя, какие конкретные идеи он имеет в виду. Далее идет пересказ романа, названный «кратким извлечением из книги»⁵⁷.

В изложении первой части «Утопии»⁵⁸ выделяются три сюжета: 1) роль и место философа в жизни общества, 2) причины воровства и меры его наказания, 3) идея общественной собственности у Платона. Остальное содержание первой части остается за рамками рецензии. Н. М. Карамзин замечает только, что автор и философ беседуют о предметах, которые могли быть новыми в XVI в. Надо полагать, что для Н. М. Карамзина темы их беседы были вещами общими и не достойными упоминания.

Проследим конкретно, какие сюжеты он относит к неновым для своего времени⁵⁹: паразитический образ жизни знати (59, 24); паразитизм прислуги (58—60, 24—26); вред, наносимый государству содержанием наемных армий (60—62, 26—28); последствия огораживаний для экономики Англии и благосостояния низших слоев (62—66, 28—34); осуждение страсти к роскоши и расточительству (66, 35); доказательство несправедливости смертной казни как меры наказания (68—70, 38—42); нападки на монахов (77—79, 52—56); губительность и ненужность для государства захватнических войн (81—85, 60—67); способы обогащения казны (85—88, 67—71); отрицательное влияние нищеты на экономику, нравственность и внутреннее спокойствие государства (88—91, 71—77).

В первом выделенном Н. М. Карамзиным сюжете текст Т. Мора передан не совсем точно. В «Утопии» речь идет преимущественно о невозможности для философа с пользой обществу служить любому государю. Н. М. Карамзин опускает служение государю

⁵⁶ Там же, с. 359.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В качестве контрольного текста нами выбрано издание: Мор Томас. Утопия. М., 1953.

⁵⁹ Здесь и дальше в скобках указываются страницы, где идет речь о перечисляемых сюжетах. Первые цифры даются по контрольному тексту (издание 1953 г.), вторые — по первому русскому переводу.

⁵³ Макогоненко Г. П. Указ. соч., с. 73; Берков П., Макогоненко Г. Указ. соч., с. 13.

⁵⁴ См. также современное издание этой рецензии в кн.: Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах, т. 2, с. 93—96.

⁵⁵ «Московский журнал», 1791, ч. 1, с. 358.

и оставляет лишь предложение философу занять какую-либо гражданскую должность на благо обществу. Отказ философа представлен в виде цитаты из книги: «Я буду совершенно бесполезен, говорит он: я могу только советовать; но, конечно, никто не примет моих советов, потому что люди уже привыкли к старому, и бояться всякой новизны»⁶⁰. Но ни в контрольном тексте, ни в переводе этой фразы нет. Слова, выдаваемые Н. М. Карамзиным за цитату, излагают в краткой форме одно из объяснений философа, почему он не считает целесообразным официальную службу:

Контрольный текст

Но нельзя насильно навязывать новые и необычные рассуждения людям, держащимся противоположных убеждений, т. е. эти рассуждения не будут иметь у них никакого веса...

(стр. 93)

Первый перевод

Что же остается вам делать? Токмо то, что не надлежит вам преподавать с нескромною ревностию и безразсудным жаром наставления, совершенно неизвестные новым людям, между коими вы теперь находитесь. Сила вашего красноречия будет слаба в их умах, и предразсуждения, внушаемые с самого их младенчества, разрушат действия хороших правил, кои вы тщетно будете стараться впечатлеть в сердца их.

(стр. 79—80)

В данном случае важно не столько текстуальное отступление Н. М. Карамзина от оригинала, сколько некоторое допускаемое им искажение позиции философа в этом споре. У Т. Мора она аргументирована всесторонне, и причина, названная Н. М. Карамзиным, — только частный и второстепенный момент объяснений философа. Сущность спора в доказательстве несовместимости разумного и справедливого начала с узкопрагматическими и своекорыстными интересами государей и их советников. Т. Мор настаивает на бессилии философии (т. е. разума) перед жаждой обогащения и власти. Н. М. Карамзин выделяет аргумент, бывший у Т. Мора второстепенным, и тем самым придает ему характер обобщения. Для Н. М. Карамзина попытки изменить что-либо в существующем порядке, руководствуясь здравым смыслом, бесполезны, не потому, что им противостоят порочность и воля государей и их приближенных, но в силу свойственного людям страха перед новым. Такое толкование позиции философа делает спор о роли философии более отвлеченным, чем в книге. Можно предположить, что подобное снижение пафоса спора вызвано цензурными соображениями. Если бы Н. М. Карамзин воспроизвел в рецензии наиболее существенные причины, выдвигаемые философом, он вынужден был бы вслед за Т. Мором сказать вслух, что никакая философия не исправит монарха и не изменит его деяний, как бы благосклонно он ни относился к философии.

⁶⁰ «Московский журнал» 1791, ч. 1, с. 360.

В изложении разговора о воровстве и мерах борьбы с ним Н. М. Карамзин ни в чем не отступает от Т. Мора. Он адекватно передает его идю о необходимости искоренения социальных причин, порождающих пороки и преступления⁶¹.

В передаче третьего сюжета рецензент ограничивается констатацией того, что философ пытается доказать «возможность и полезность общности гражданского имущества»⁶². Ни одного из аргументов философа Н. М. Карамзин не воспроизводит. Но следующая за этим фраза: «Я видел такую землю, говорит он, где люди живут, как им жить должно»⁶³, жестко связывает заявление философа о реальности идей Платона с идущим за ним описанием Утопии. Поставленная непосредственно перед рассказом о стране Утопии, эта фраза дает ключ для его прочтения. Вся организация жизни, законы, обычаи и учреждения утопийцев получают единый стержень — общность собственности. Нигде больше в рецензии вопрос о собственности не упоминается, но композиционно он поставлен так, что дальнейшее читается как доказательство этого тезиса.

Ни в контрольном тексте, ни в первом переводе приведенной выше фразы нет. Правда, в двух местах говорится о преимуществах государственного устройства Утопии и большем благосостоянии утопийцев по сравнению с Европой.

Контрольный текст

А вот если бы ты побыл со мною в Утопии и сам посмотрел на их нравы и законы, как это сделал я, ... ты бы вполне признал, что нигде в другом месте ты не видал народа с более правильным устройством, чем там.

(стр. 99)

Причиной этого полагаю служат одно то, что, хотя мы не стоим ниже их ни по уму, ни по средствам, все же их государство имеет более разумный по сравнению с нами способ правления и процветает среди большего счастья.

(стр. 100—101)

Первый перевод

Но если бы вы съездили в Утопию, так как я, и если бы вы старались в изучении их законов и обычаев целые пять лет, тогда бы вы не косней признались, что нет народа сколь бы просвещенного вы ни положили, коего бы правление могло превзойти их.

(стр. 90—91)

Но если Утопийцы приобрели толь быстрое познание в художествах и ремеслах, то напротив того протечет еще много времени, прежде нежели мы устроим у себя на твердом и неподвижном основании их обычаи и их политические установления толико превосходнейшие перед нашими! Однако же, хотя мы и столь же разумны, хотя мы обладаем и столь же действительными богатствами, как и сей народ, но пока правление не сообразуется с его, до того времени не должны мы ласкать себя надеждою наслаждаться изобилием и благоденствием, всегдашнюю его участию.

(стр. 93)

Совершенно очевидно, что фраза «Я видел такую землю, говорит он, где люди живут, как им жить должно» не является

⁶¹ Там же.

⁶² *Мор Томас*. Утопия, с. 54—56, 81—91.

⁶³ «Московский журнал», 1791, ч. 1, с. 360.

изложением приведенных отрывков. Это самостоятельное истолкование Н. М. Карамзиным отношения философа к утопийскому укладу жизни. Важно отметить два момента такой интерпретации. Во-первых, она имеет оценочный характер: Утопию должно видеть как идеал организации жизни людей. Во-вторых, она помещается перед рассказом о самой Утопии и, следовательно, дальнейшее будет восприниматься уже под влиянием сформулированной оценки. Как видим, эта фраза выполняет несколько функций: 1) обнажает одну из центральных идей книги — показ общества без частной собственности; 2) раскрывает понимание Н. М. Карамзиным устройства Утопии — идеальной организации общества; 3) предлагает читателю определенный угол рассмотрения всего, что следует дальше; 4) служит переходом к рассказу об Утопии.

Пересказ второй части «Утопии» отличается большей свободой изложения. Н. М. Карамзин комбинирует материал по своему усмотрению, часто отступая от порядка, данного Т. Мором. Например, в книге сначала говорится о трех депутатах от каждого города, избираемых в сенат (109, 97), а ниже о системе управления городами (116, 107—108). Рассуждения о браке (169—173) идут позже, чем описание состояния медицины (130—131, 125—126). У Т. Мора разговор о самоубийстве (168—169, 183—184) предшествует рассказу о религии (196, 184—186) и т. д.

Кроме того, Н. М. Карамзин неточно воспроизводит некоторые детали жизни и быта утопийцев: 1) города в Утопии управляются выборными лицами, которых ни Т. Мор, ни перевод не называют (116—117, 107—109) «судьями»⁶⁴, и термин, предлагаемый Н. М. Карамзиным, в данном случае неудачен; 2) у Н. М. Карамзина музыка сопровождает все трапезы утопийцев вообще⁶⁵, у Т. Мора она исполняется только во время ужина (134, 130); 3) в «Утопии» на трапезах старшие привлекают молодежь к беседам и поощряют их (134, 130), у Н. М. Карамзина «за столом старые говорят, а молодые слушают»⁶⁶; 4) Т. Мор пишет об обычае в сенате откладывать обсуждение всех важных дел на следующий день (117, 109), Н. М. Карамзин приписывает это правило гражданскому суду утопийцев⁶⁷; 5) Н. М. Карамзин упоминает только два способа ведения войны в Утопии: подкуп вражеских военачальников и наем чужой армии⁶⁸; Т. Мор, помимо этих двух приемов, подробно рассказывает об участии самих утопийцев в военных действиях и об их патриотизме при защите страны (189—194); 6) по Н. М. Карамзину, утопийцы или покупают рабов у соседей, или пользуются услугами тех, кто добровольно нанимается к ним в рабст-

во⁶⁹. Т. Мор, кроме указанных источников рабского труда, отмечает еще один — обращение в рабство граждан самой Утопии, преступивших ее законы (167—168, 181—182).

Перечисленные неточности касаются второстепенных моментов и не искажают смысла книги по существу. Вместе с тем возникает вопрос, как могли появиться эти, пусть и незначительные, расхождения, когда в руках Н. М. Карамзина был русский перевод (он делает несколько выписок из него в конце рецензии). Две детали позволяют ответить на этот вопрос и поставить ряд новых. Первое: в русском переводе имеется большой пропуск текста «Утопии», начиная с рассказа о браке в главе «О рабах», и вся глава «О военном деле» (169—196). В книге Тома Руссо глава «О рабах» обрывается в том же месте, что и русский вариант, а глава «О военном деле» дана со значительными сокращениями. У Н. М. Карамзина есть сведения и о браке, и о способах ведения войн утопийцами. Получить их из французского оригинала или русского перевода он никак не мог. Следовательно, он знал их из другого источника, т. е. из иного издания «Утопии». В начале рецензии Н. М. Карамзин упоминает о латинских изданиях XVI—XVII вв. и ничего не говорит о многочисленных переводах «Утопии» на другие языки. Выявленные неточности, пассажи о браке и методах войны, отсутствующие в русском переводе, и упоминания о латинских изданиях заставляют предположить, что Н. М. Карамзин читал «Утопию» в латинском варианте и пересказывал ее по памяти, не сверяясь с русским текстом. Невозможно сейчас ответить на вопрос, был ли латинский экземпляр «Утопии» в библиотеке Н. М. Карамзина. Сам по себе этот факт не исключен, хотя приведенные выше несоответствия показывают, что он не пользовался этим экземпляром для рецензии. Но и русское издание Н. М. Карамзин читал не очень внимательно, иначе он не допустил бы ошибок и отметил бы неполноту перевода.

Рецензия заканчивается критическими замечаниями о языке перевода, которые иллюстрируются примерами. Ссылаясь на галлицизмы в русском варианте, Н. М. Карамзин приходит к выводу, что перевод сделан не с английского, как указано на титуле, а с французского языка, и обвиняет переводчика в незнании и русского, и французского. Возможно, Н. М. Карамзину не было известно о первом русском издании «Утопии» в 1789 г., так как он находился тогда за границей и вернулся только в 1790 г. В этом случае он мог и не знать, что рецензируемая им книга — оттиск с набора 1789 г.

Рецензия Н. М. Карамзина производит двойственное впечатление. С одной стороны, она дает обильную информацию о книге. Но в то же время если проанализировать факты, отобранные Н. М. Карамзиным для сообщения читателям, то видно, что они

⁶⁴ «Московский журнал», 1791, ч. I, с. 361.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 362.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 364.

⁶⁹ Там же.

касаются далеко не первостепенных моментов государственного устройства Утопии. Несмотря на внешнее богатство сведений, материал, предлагаемый Н. М. Карамзиным, не раскрывал своеобразие Утопии. За рамками рецензии остались многие существенные проблемы книги. Н. М. Карамзин обошел молчанием, как обеспечивается демократия в Утопии и исключается возможность установления тиранического правления. Не говорится о всеобщей обязательности труда и системе его организации. Никак не отражены экономические институты Утопии: принципы распределения и обеспечения равного благосостояния граждан. Не вошло в рецензию и понимание утопийцами счастья, хотя этот вопрос для Мора весьма важен.

Разумеется, в небольшом обзоре Н. М. Карамзин не мог пересказать роман во всех подробностях. Однако он нашел место для многих незначительных деталей и не счел нужным вести разговор о самом важном. Общее впечатление противоречивости рецензии сохраняется, если даже учесть, что Н. М. Карамзин пересказывал «Утопию» по памяти. Запомнив столь многое из второстепенного, он не мог забыть значительное. Молчание о том, что составляло самую суть романа, вряд ли случайно. Мы предполагаем, что Н. М. Карамзин намеренно не упомянул о многих идеях Т. Мора. Он предложил это произведение русскому читателю, когда революция во Франции набирала силу, а реакция на нее русских официальных кругов уже оформилась как открытое неприятие и преследование идей республиканизма. В таких условиях воспроизвести подробное обоснование преимуществ республиканского государственного правления и строя с имущественным равенством было опасно.

Единственное, что Н. М. Карамзин мог сделать — привлечь внимание к «Утопии». Кроме того, мы предполагаем, что издание перевода 1790 г., которое он даже внимательно не прочел, послужило лишь поводом рекомендовать русскому читателю познакомиться с «Утопией». Выше показано, как он осуществил эту задачу. Но Н. М. Карамзин не просто обратил внимание своих соотечественников на книгу Т. Мора. Помимо информации о самом авторе, он дал ключ к чтению «Утопии», сориентировав читателя в определенном направлении. Рецензия Н. М. Карамзина представляется любопытным документом того времени. В ней мы находим первое печатное свидетельство размышлений русского интеллигента над произведением, которое мы относим к утопическому коммунизму. Одновременно на ее примере можно видеть, как конкретно осуществлялось распространение идей западноевропейского республиканизма в России 90-х годов XVIII в.

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>